

Поль Д.В.

Человек и Мир в прозе М.А. Шолохова

Соборность и мир – две ключевые категории в системе ценностей русской культуры. Их родственность, впрочем, не означает тождественности: различно происхождение, различно и место в русской литературе.

Ключевые слова: М.А.Шолохов, человек, мир, соборность, "Тихий Дон", казачество, семья, любовь.

Соборность – одно из основных свойств христианской церкви, утверждённое в этом качестве ещё Вселенскими соборами. В первой половине XIX века славянофилы стали рассматривать соборность как общий принцип устройства бытия, характеризующий множество, собранное силой любви в «свободное и органическое единство» (А.С. Хомяков), а на рубеже XIX–XX веков соборность была осмыслена и как одно из особых свойств русской культуры и литературы, один из отличительных признаков русского национального сознания. Важно отметить, что для славянофильского и последующего народнически-интеллигентского понимания соборности было характерно соединение православно-церковного, крестьянски-общинного, артельного. Родовое наполнялось вселенским христианским содержанием, а соборность оказывалась и философской категорией, и синонимом крестьянского коллективизма (мира). Фактически соборность получала новое, отнюдь не сугубо религиозное значение, как это было в богословии, и в этом значении становилась синонимичным миростроительству (или миру).

Революционные события первой трети XX столетия заострили вопросы взаимоотношений личности и общества, коллективизма и индивидуализма, что в полной мере проявилось в искусстве того времени, особенно в литературе. В русской (советской) словесности 20-х – 30-х годов просматривалась любопытная сюжетная коллизия: разрыв героя с прежним, родовым началом (своего рода индивидуализация личности – объективное явление, наблюдаемое и многократно отмеченное в произведениях как русских (Короленко, Горький и др.), так и западноевропейских (Гамсун) писателей) сопровождался обратным процессом – полным растворением героя в новом обществе. Отрицание старых родовых принципов подчинения личности приводило к утверждению новых, основанных на идеологии.

Если в начале романа «Как закалялась сталь» Н.А. Островского Павлик Корчагин – герой-правдолюбец – фактически один (лишь при некотором участии друга Сергея Брузжака) протестует против несправедливости, то в конце произведения он один из многих, что неоднократно подчёркивается писателем, борцов за новое общество. Герой-одиночка, коим являлся Корчагин до революции, в гражданскую войну превращается в рядового борца за коммунизм и Советскую власть.

Те же, кто не выдерживает идеологических требований со стороны партии и комсомола, кто не смог отказаться от привычного индивидуализма, как Мечик у А.А. Фадеева или Дубава у Н.А. Островского, терпят моральное поражение, предваряющее полную жизненную катастрофу. Единственным выходом для интеллигента оказывается полное согласие с партийной политикой, растворение себя в народной массе, что в 20-х годах ёмко выразил В.В. Маяковский, противопоставив силу «миллионопалой» Партии беспомощности единицы (личности) («Владимир Ильич Ленин»), а «генеральную линию» – «особому мнению» («Особое мнение»).

Эту же сюжетную, навеянную жизнью коллизию представил А.П. Гайдар в автобиографической повести «Школа», главный герой которой, пройдя путь стихийного бунтаря, становится одним из многих солдат партии. Такие же, как гайдаровский командир разведки Федька, оказавшийся не в состоянии отказаться от партизанщины, постепенно превращаются во врагов Советской власти.

В большинстве своём герои ранней прозы М.А. Шолохова проходят сходный путь – от стихийного протеста против социальной несправедливости (как правило, устраивающей большинство из их первоначального окружения) к осознанному растворению в новой, на первый взгляд, более сознательной массе – массе строителей коммунизма. Таковы Дунятка, сестра убитого кулаками пастуха, уходящая в город, в новую жизнь; Илюха из одноимённого рассказа, под влиянием любви ставший сознательным комсомольцем; Пётр Кремнев из повести «Путь-дороженька», землемер, преобразователь налаженной за многие и многие столетия крестьянской жизни, и многие, многие другие.

Шолоховское видение новой общности на основе идейного родства взамен религиозного и семейственно-родового вполне типично для литературы 20-х – 30-х годов. В этом новом объединении людей можно увидеть и глубоко национальное проявление мироустроительского начала, где религиозно-православное и семейно-родовое заменено идеологически-коммунистическим. Сохранена и столь важная для Мира идея человеческого единства на основе идеи, когда-то чудесным образом найденной.

Совсем по-иному проявилась коллизия герой и мир в «Тихом Доне». В первой книге Григорий, как и многие его предшественники в русской классике, протестует против родительской власти, против патриархальных традиций. Юный Мелехов родственен Стёпке из «Червоточины» («Донские рассказы») – младшему в казачьей семье, бросившему вызов не только отцу и старшему брату, но и всем родовым устоям. Страсть Григория к Аксинье таит запас огромной взрывной силы, с неё начинается распад патриархального мира: «Так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так исступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встрече почему-то стыдились люди смотреть. Товарищи Григория, раньше трунившие над ним по поводу связи с Аксиньей, теперь молчали, сойдясь, и чувствовали себя в обществе Григория неловко, связанно».

Потрясение основ таит в себе не сам факт супружеской измены – эта проблема носит вечный (универсальный) характер – а то, как он происходит, как воспринимается Григорием и Аксиньей. «Если б Григорий ходил к жалмерке Аксинье, делая вид,